

А.В. ВОЙЛОШНИКОВ

ОТЕЦ МИХАИЛ

«Ибо праведно перед Богом -
оскорбляющим вас воздать скорбью»

Жил- был и не тужил в предвоенное время молодой да фатовый вор Санька Рыжий. Промышлял по специальности — обирал в поездах зазевавшихся советских граждан, так и колесил по всей стране. Случилось ему как- то на станции помочь одному доходяге: протащил в поезд без билета, слишком жалок был «пассажир». Случайный попутчик оказался своим — «по фене ботал» не хуже самого Рыжего. Так уголовник-майданник Санька познакомился с отцом Михаилом — бывшим политзаключенным, священником, прошедшем лагеря. Велика и необъятна страна Советов — было время у отца Михаила много чего рассказать Рыжему. Об истинной вере, что дает силы выжить в нечеловеческих условиях лагерей, о смысле жизни, и о самом тяжелом и важном пути — к Богу...

Перевернулась вся жизнь Рыжего и стал молиться он...

Александр Войлошников

ОТЕЦ МИХАИЛ

*Апрель 1941 года, 14
лет*

*«Уста священника
должны хранить
ведение».*

(Мал. 2:7)

*«Ибо праведно перед
Богом — оскорбляющим
вас воздать скорбью»*

(2Фес.1:6)

ГЛАВА 1

Подхожу к своему вагону. На подножке соседнего вагона дородная кондючка стоит непоколебимо. Цепко ухватившись за оба поручня, с высоты подножки и своего служебного положения, захлёбываясь, по-собачьи злобно, как Вышинский, обгавкивает она какого-то прибабахнутого волосатика со смешной бородкой. Злая, самоуверенная советская хабалка, природой

созданная по загадке: «Что такое: две ноги, две руки, а посередке сволочь?» Грозная мордасина и монументальная поза кондючки могли бы послужить моделью для героической скульптуры на тему: «Но пасаран!!!»

В паузах, пока кондючка заполняется кислородом, волосатик робко вызывает к человечности этой железной дорожной фурии. Но беспомощность волосатика, в сочетании с его жалкой настойчивостью, ещё более распалют кондючку. А цена взаимопонимания с этой вонючкой-кондючкой — один парашютист (5 р.), которого нужно десантировать ей на лапу. Тогда всю дорогу будет она мордасину сладко улыбаться, и чайком с сахарком угощать. И от ревизора отмажет. Подивившись наивности чмыря, будто бы он не здешний, а с Луны упал и головой ушибся, я, войдя в свой вагон, забываю об этой заурядной дорожной сценке, иллюстрирующей мнение Графа Монте-Кристо о том, что «в этом мире кротость и терпение вознаграждаются хуже всего».

* * *

Поезд набирает ход. Скрипучий вагон ветеран, раскачавшись, как бухой мореман, всё громче бацает ревматическими колёсами унылый

железный дорожный степ. Вагон после Тулы почти пустой. Уборную у нерабочего тамбура проводник не открыл и я справляю малую нужду на лязгающие, дергающиеся под ногами, железные листы межвагонного перехода. В тамбуре густеет аромат романтики дальних дорог: мочи и креозота.

Потом, зачем-то, подхожу к наружной двери тамбура. Ого! — а на подножке сидит кто-то! Отпираю выдрой дверь — холодный ветер с мириадами злых дождинок врывается в тамбур. Внизу, под ногами, в грохоте и лязге разошедшегося поезда, мчится сквозь чёрную мокрую мглу скользкая подножка с продуваемой насквозь тщедушной фигуркой, вцепившейся, изо всех силёнок в холодный и скользкий железный поручень.

— Эй, любитель прохладной жизни! Канай сюда! — окликаю я хмыря на подножке. А он — ни с места. — Тебе чо?... холодок не в падлу? Аль бздишь? Я не кондюк и не лягавый! — кричу я, а, для убедительности, зарубку закладываю: — С-сука буду! В-век свободы не видать!

Дрогнула от зарубочки душа фрайерская — хмырь с трудом разгибается, в тамбур поднимается. Мы вплотную стоим, друг на друга глядим. Вагон дёргается на стрелках. Пристанционные фонари, внезапные, как метеориты, высверкнув из мрака,

исчезают, высветив на мгновение лицо не молодого человека с короткой бородкой.

Ба! — да это тот самый волосатик, которого видел я у соседнего вагона! Лицо измождено страданиями. Больше всего говорят о бродяге его глаза. Видел не раз я такую горечь в глазах у странников, робко затаившихся в тёмных углах ночных поездов. В их глазах навсегда замер упрёк: «за что?!». С такими глазами, нельзя попадать советским людям на глаза: обсмеют, заиздеваются, чтоб беспомощностью чьей-то позабавиться, показав на беззащитном бедолаге удаль советскую. Никто так не любит демонстрацию злобной силы за счёт унижения других, как советский человек, постоянно унижаемый наглыми властями и горькой нуждой.

— Ты чо, глухой? — спрашиваю я, показывая на уши.

— Н-нет...нет-нет, я задумался... вернее — молился!

— И-иди-ка ты! Он молился! На подножке??!.. — От неожиданного ответа растерявшись, я остро по советски: — А-а... Богу на уши лапшу с разгону вешаешь? Ну, хилак, да ушлак!

Молчит бродяга доходяга. Не хихикает подобострастно. Глядит, что-то соображая, как заяц на деда Мазая. Дескать, если со мной познакомится,

то какая пакость от того обломится? А куда ему, хмырю, податься? Не на подножку же возвращаться?...

— Ну, чо стоять? Похряли в вагон! Поди-ко до печёнки холодрыгой пробрало? — по доброму говорю я, и думаю: ну, хохменный чмырь!

— А... проводник?

Его робость забавляет меня и я выкомуриваюсь по полному этикету маньеризма, ни дать, ни взять — Граф Монте-Кристо:

— Монсиньор, если вы не настаиваете, то мы не будем беспокоить проводника. Обойдёмся без его восторженных приветствий. Тем более, маньеризм и экспромты нашего кондюка не более куртуазны, чем те, которыми вы насладились от незнакомки подколодной — кондючки из соседнего вагона. Пусть кемарит служивый! Вы будете странствовать ин-ког-ни-то! А ежели вас, милорд, беспокоит перспектива лишиться пикантного рандеву с ревизором, то ожидание его в тамбуре излишне. С присущим ему рвением, разыщет он вас в вагоне! — выдаю я экспромт в стиле героев Дюма. Утомившись от выговаривания выпретенных слов, говорю нормально, по-человечьи:

— Не бзди, фрайер, на шухер я те вытерку позычу. Не светит, не личит — мне и выдра не в падлу... и не зырь на меня, как солдат на вошь, — внешность обманчива, сказал ёжик, поцеловав

щётку. Я не вшивка, вчерась на бану мохначе Репина пеху писал! Нынче мне и Ротшильд — свой керя! Кондюк надывает — на лапу дам, — сармак вячит! И, хляя под уркача, тяну нарочито гнусаво воровскую присказку: Сармак вячит, Это значит: Гроши ваши Стали наши!

— Ну, со мной художники и писатели могут отдыхать, — усмехается бродяга, — не фрайернуть меня и звездохватам — пустой лох колется в кредит!

— И-иди ты! — удивляюсь я. — Ты чо, по феньке ботаешь?

— Битый фрей, но не захарчёванный. Посему предпочитаю общаться без фени, что никоим образом не должно стеснять вас. Пусть, для удобства общения, каждый говорит, как ему удобнее. Тем паче, — я могу по фене ботать, а вы, как я успел заметить, способны изъясняться весьма куртуазно!

* * *

Тусклые фонари в проходе вагона едва освещают торцы полок. Мы садимся в тёмный угол у окна. Я достаю из кармана шаркают тёплый свёрток с ужином, который приобрёл в Туле: в клеёнке спрессованный монолит из лапши, котлет и хлеба.

— Хавай! То есть, — ешь... — угощаю я. Заметив нерешительность бродяги, я, желая ободрить его и повыпендриваться куртуазным маньеризмом, прибегаю к помощи Графа Монте-Кристо, очень пригодного для этого:

— «Если бы я знал, что вы сделаете мне честь посетить меня, я приготовился бы к этому. Но как ни скромн мой принют, как ни плох мой ужин, я вас прошу его отведать.»

И, вдруг, слышу в ответ слова из того же романа:

— «Помилуйте, к чему извинения? Право, я не могу пожаловаться: всё, что вы мне предлагаете, поистину стоит чудес «Тысячи и одной ночи»!

И по голосу понимаю я, что бродяга улыбается, оттаяв во всех смыслах этого слова и включаясь в литературную игру.

— И-иди ты! Ну, ты даёшь!.. — только и могу пролепетать я восхищённо. И пока я отклеиваю язык, прилипший от удивления к гортани, волосатик, не теряя время на куртуазный маньеризм, съедает всё, что было в клеёнке, после чего, клеёнка становится чище, чем была на столе в буфете. Небось, давненько у чмыря ни крошки во рту не было!

— Премного благодарен за великолепный ужин, милостивый государь, Граф Монте-Кристо! — благодарит он, аккуратно

складывая поблескивающую от чистоты клеёнку. — Судя по вашим поступкам, Господь одарил вас чувствами добра и милосердия. Судя по изысканности вашего приглашения к ужину, человек вы начитанный и Господь одарил вас незаурядной памятью. А по вашей реакции мой ответ, вижу: не утратили вы способности удивляться!

Токмо запомнить изволили, что задолго до того, как появились вы в сией юдоли скорбей и печалей, миллионы отроков уже зачитывались романом, воспевающим ту радость, койя сурово осуждается церковью: радость мщенья! Да-да! — будучи семинаристом, грешил изучением сего романа ваш покорный слуга. Именно, изучением! Ибо мы, семинаристы, из озорства затеяли церковный суд над литературным героем — Графом Монте-Кристо...

Бродяга умолк, видимо, от нахлынувших воспоминаний: — А обвинялся Граф в нарушении заповеди Христа о прощении врага своего, а так же в богохульном заявлении Графа о том, что месть, как возмездие, угодна Богу. И имел я честь выступить на сем суде духовным адвокатом Графа, а посему изучил каждое слово и дело его... — Замолчал бродяга. Когда заговорил он, то о другом:

— Ныне мой социальный статус — «лишенец», — сиречь житель, но, отнюдь, не

гражданин, ибо лишен я гражданских прав, как бывший служитель культа. Оное положение ставит под сомнение мое право на существование. Сей факт, что я жив, если не моё преступление, то явный недосмотр советской администрации. В далёком прошлом я — отец Михаил, а ныне, — житель сто первого километра — человек без места жительства, и занятий... В математике такое явление называется неопределённость, а в искусстве — фантом. Да и о вас, молодой человек, я сказал бы словами гостя Графа Монте-Кристо из того же эпизода:

«Вы мне кажетесь человеком, который подвергается гонению общества».

И слова сии касаются не токмо вашей романтической профессии, сколь её предыстории. Но коль не хотите продолжить разговор на сию столь деликатную тему, то соблаговолите пропустить слова мои мимо ушей, посчитав, что адресованы оне токмо нашему общему доброму знакомцу — Графу Монте-Кристо. Однако, был бы я признателен, ежели вы, для удобства общения, нарушили ореол таинственности вокруг своей особы, отрекомендовавшись подлинным именем.

Смущенный пронизательностью Михаила Фёдоровича, я сбивчиво бормочу:

— Рыжий я... то есть, Санька... Александр... — и меня тут осеняет идея: —

Михаил Федорович! А можно я буду звать вас — отец Михаил!? Это короче... да ещё как не обычно!

— Спаси и сохрани вас Господь, Александр! Мне сие приятно. Давненько не обращались ко мне так...

Отец Михаил проводит рукой по моим жестким, как проволока, волосам. От непривычной ласки волосы радостно топорщатся. Перекрестив меня, отец Михаил предлагает:

— Потому как вы, Александр, не вышли из отроческого возраста, то разрешите мне обращаться на ты? Я полагаю, это сделает наше общение более непосредственным.

— Само собой! И мне привычней...

И тут, вдруг, наступает продолжительное молчание. Молчу я не потому, что мне ни сказать, ни спросить нечего. Нет! — вопросы распирают меня, — вот-вот взорвусь я под их напором! Много лет недоумеваю: как могут взрослые, умные люди тысячи лет! — верить в такую муру, как Бог, душа и прочая мулька?... А сегодня судьба, сжалившись над моим любопытством, посадила рядом со мной настоящего попа! Взрослого, умного, образованного человека, который не только верит во всё это, но делает безнадёжное, а потому и никому не нужное дело: поддерживает в людях веру в Бога. И похож он не на жирных свинномордых попов из журнала «Безбожник», а на

За окнами мелькают огни станции.

— Это Скуратовское, — говорит отец Михаил. — Отсюда до Ясной Поляны — рукой подать. Слышал я, в Тульской области сейчас пятьдесят писателей. Кто-то их считает, но кто их читает? Раньше жил тут единственный писатель, — Лев Толстой! — и весь мир читал его! А для меня Лев Николаевич — не токмо знаменитый писатель, но, как говорится, добрый мой знакомый.

Отличал он меня среди детей, коих приводили к нему родители, и не токмо сладким печением домашним потчевал, под названием «хворост», но и персональной беседы достаивал. Покойный батюшка мой, царство ему небесное, хаживал к графу часто. Иногда работал в усадьбе. А на встречах слушал его, записывал. Меня с собой брал, а дома мы эти записки переписывали в тетради, вспоминая каждое слово Льва Николаевича. И тогда новые вопросы появлялись ко Льву Николаевичу... и не простые.

С годами прочитал я и романы, и статьи Толстого. Всего внимательнее, читал то, что писал он о Боге. Хотя не со всеми мыслями Льва

Николаевича я согласен, но сие не главное. Главное — в попытке дерзновенной его проникнуть в суть: Кто есть Бог? Шел Лев Николаевич к Богу не от церковных преданий, а от самого Слова Божьего, от науки и от собственных размышлений! По методике Апостола Павла: «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно» (1Тим.4:16).

Шел он к живому, реальному Богу, руководствуясь любовью и разумом: «Возлюби Господа Бога твоего всем РАЗУМЕНИЕМ твоим!» (Мф.22:37).

За сие был Лев Николаевич отвергнут теми, кто учит, что вера в Бога не от разума, не от постижения законов природы, а от посещений церкви, бормотания молитв и фанатичного невежества. И чем невежества больше, тем к Богу ближе. Хотя сказано в Слове Божиим, что «невидимое Его Божество от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим.1:20).

То есть, Господь открывается педантичному учёному естественнику, изучающему законы природы и вдохновенному поэту, восторгающемуся красотой мироздания, но не тупому фанатику, упёртому мордой в икону, для которого весь мир захлопнут в душном и тёмном сундуке невежества! Не открывается Бог невеждам!

Ибо, чтоб видеть чудо в каждой частице окружающего мира, — для сего необходимы разум,

знания и душа поэта! Истинное чудо недоступно увидеть тем, кои видят чудо в приспособлениях для истечения масла из глаз икон и в других примитивных «чудесах», изобретенных попами языческой Византии. Ведь, то, что люди видят, зависит от того, как и куда они смотрят! Не раз досадовал Иисус Христос, что люди: «видя не видят, и слыша не слышат, и не разумуют» (Мф.13:13).

* * *

Любил Лев Николаевич весёлые, здоровые подвижные игры на свежем воздухе и ненавидел игры за столом, особенно карты и шахматы. А когда однажды услышал в оправдание настольных игр слова: «играя, можно убить время...», — то лицо его покрылось пятнами гнева, даже крупный нос покраснел:

— Бог даёт время жизни для созерцания, размышлений, получения знаний и для труда в коем должно воплотиться сие! Посему сказал Бог человеку в Новом Завете: «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно» (1Тим.4:16).

Ибо общение с собой — размышления, — на первом месте, перед учением! Человек, придумав игры, «убивающие время», не даёт зародиться

мыслям, в том числе, о Боге. «Убивать время», — аки убивать себя, свою душу! Сие более мерзопакостно, чем убивать другого человека, ибо своя душа беззащитна, а человек, «убивающий своё время», превращается в скота, живущего без вопроса: зачем...

Но тут я перебиваю отца Михаила:

— А без веры в Бога жить можно?

— Пожалуйста, живи на здоровье!

— А для чего нужна вера? Если буду верить я, то что с того поймею?

— Увы, мой юный друг, никакой выгоды материальной, никаких льгот, или улучшения здоровья, верующим от Бога не бывает. Есть, конечно, мошенники, кои прибыльно торгуют обещаниями исцелений, а то и перспективой получения местечка в Царстве Божием! Оне удачливы и богаты. Но честные верующие люди не бывают удачливы. И никогда, я это повторяю: ни-ког-да! — не бывают богатыми! Богатыми бывают лицемеры и жулики, пользующися Словом Господнем для обогащения. Зато в духовной сфере истинно верующие обретают многое: ответственность перед Богом не токмо за себя, но за других! И страдания не токмо за свое несовершенство, но и за несовершенство всего человечества!

— Отец Михаил! Значит, выгодно быть

атеистом жуликом, а не верующим праведником!?

— Материально — да! Хотя священники, наперекор Слову Божьему, обманывают людей, уверяя, будто бы Бог поощряет верующих, карает за зло и вознаграждает за добро. Но подобное лукавство талдычат попы российские, противореча Библии, где говорится, что «...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» (2Тим.3:12,13).

Много в Новом Завете предупреждений о лжепророках и лжесвященниках, проповеди коих уведут людей от Бога в дикость фанатичной веры, тем паче, сию невежественную веру обрести легче, чем веру через Слово Божие. Во все времена попы лгут, говоря о том, что Иисус Христос страдал ради искупления грехов людей, ибо не говорят: а за что страдают люди, кольми грехи их искуплены Христом? Выходит, — страдания Спасителя — тщета и лукавство? А публичная казнь — комедианство!? И почему написано в Библии ещё до Иисуса Христа: Праведников постигает то, что заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, что заслуживали бы дела праведников» (Ек.8:14), а после Иисуса Христа: «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы; злые же люди и обманщики будут

преуспевать» (2Тим.3:12)?

Припёртые к стенке цитатами из Библии, попы выкручиваются и городят бессмыслицу о грехах предков, вплоть до первородного. Хотя в Библии нет первородного греха — его попы придумали. И даже слова «грех» нет! А Апостол Павел, насмехаясь над фарисеями, пишет о том, что Адаму согрешить было просто невозможно, так как грех — это «нарушение закона», а законы Бог дал через Моисея.

А за что страдают люди поныне, и, в первую очередь, — праведные? Почему Бог так суров к праведным? А потому, что **ЕСЛИ БЫ БОГ ХОРОШО ОПЛАЧИВАЛ ДОБРЫЕ ДЕЛА, ТО ОН ПРЕВРАТИЛ ПРАВЕДНОСТЬ В ДОХОДНЫЙ БИЗНЕС!** Как много в мире развелось благотворительных организаций, для обогащения их устроителей! Как много развелось тех, «которые думают, будто благочестие служит для прибытка» (1Тим.6:5).

Миллионы жуликов, в том числе попы, зарабатывают на благочестии огромные деньги. «Религия это бизнес, более выгодный, чем проституция и торговля наркотиками. И бизнес абсолютно легальный, хотя состоит из того и другого», — писал о религии Вольтер. Много на свете жулья, торгующего чужой недвижимостью. Но на первом месте изо всех жуликов — попы!

Тысячу лет церковь прибыльно торгует местами в Царстве Божиим, кои церкви не принадлежит! И никого из попов и жуликов не наказывает Бог за плохие поступки! Почему?? Разве трудно Богу наказать за плохое и наградить за хорошее? Не трудно, но... нельзя! К примеру: Как-то увидел я пацанчика, который полез в сумку к женщине. А тут городской — цап! его за шкуру!! Плутишка, выдернув руку из чужой сумки, давай креститься ею на купола храма! А на мордашке его возник столь умильный восторг, что городской захохотал, дал оплеуху плутишке и отпустил его. Если бы Бог, как тот городской, без промедления карал бы за зло, то всё жульё, опасаясь Божественной оплеухи, шарахнулось бы в лицемерную праведность. Но воришка-то и после оплеухи остался воришкой!

Подзатыльником можно изменить сиюминутное поведение человека, но не душу его. А человек останется прежним. Поэтому Бог не загоняет в узкие врата праведности тумачами, не заманивает туда пряниками!

Бог даёт каждому человеку свободу воли, а иначе пришлось бы Ему отвечать за все человеческие поступки! Поэтому истинная праведность всегда не выгодна, а часто и опасна. Но если человек, наперекор страху и сожалениям о материальных утратах, выбирает путь праведника,

потому, что это ему в радость, а по другому он жить не хочет и не может, то это то, что Богу нужно! Вот тогда, признав праведника сыном, даст ему Бог... добрую взбучку чтобы не забыл он про то, что: «Господь кого любит, того и наказывает. А если вы остались без наказания, то вы не сыны его, а незаконные дети!» (Евр.12:6). На приятном пути погибели, даёт Бог деньги, удачу в делах, здоровье и хорошее настроение! «И вот, эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатства. Так! На скользких путях поставил Ты их...» (Пс.72:12).

Катись колбаской по Малой Спасской! — говорит им Бог. И весело катятся нечестивцы, скользят, не прилагая усилий, получая от жизни удовольствия и думая, что они умные, раз богатые, а все бедные — дураки. Ибо тем, кто не скользит по накатанной дорожке к богатству, а карабкается по тернистому пути к Богу, тем Господь даёт всё новые и новые испытания и препятствия на сем трудном и опасном пути. Послушай, цитаты из Нового Завета:

«Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам... испытали поругания и побои, а так же узы и темницу... были побиваемы камнями, подвергаемы пытке, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби... И все сии, свидетельствованные в вере, не

получивши обетований...» (Евр.11:37–40).

То есть, никто не получил обещанное. Апостол Павел, который пользовался особым расположением к себе Бога, писал, что неоднократно был он в темницу заточён, много раз находился при смерти от ран, а, кроме того: «от Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного, (специальной плетью, рвущей кожу на спине!), три раза меня били палками, однажды камнями побивали» (2Кор.11:24).

В этом перечне Апостол Павел не упоминает о многих других испытаниях, кои выпадали ему и из которых выходил он победителем. Например, парочка кораблекрушений, или схватка на арене безоружного Павла с двумя нубийскими львами!! А когда Апостол Павел обратился к Богу с просьбой, всего-то навсего, дать облегчение (только облегчение!) от острой боли в печени, — ему было сказано: «довольно для тебя благодати Моей» (2Кор.12:9)!

Нет льгот и поблажек тем, кого любит Бог и кому Он верит, зато трудностей и страданий для них приготовил Господь — на каждом шагу!! Есть в России расхожая шуточка: «Каждое доброе дело наказуемо!» И по моим житейским наблюдениям, Господь не упускает возможность огорчить за каждое доброе дело, особенно, — за праведное!

— Но это же... несправедливо!!?

— А всегда ли нам казались справедливы поступки родителей по отношению к нам? Мы понимаем родителей тогда, когда повзрослеем... И Бога мы начинаем понимать, только взрослея духовно и изучая Его творения: природу и Слово Божие. Если ты сможешь, не перебивая, послушать меня, хотя бы, пять минут, ты поймёшь: что же такое праведность? Так вот: человек — создание стадное и, подчиняясь инстинкту самосохранения, каждый старается занять безопасное место внутри стада. «Живи, как все, не высовывайся!» — сие кредо большинства людей. Образ стада не раз использовал Иисус Христос в проповедях. А кредо праведности сформулировал Он так: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:13,14).

Широкие ворота в доме крестьянина ведут на скотный двор, а узкая калитка, недоступная для скота, — в дом хозяина. А теперь, Александр, вспомни про Галилея. Он был прав, утверждая ересь о вращении земли, а вся, вся!! — христианская церковь, курирующая науку, была не права. Если бы Галилей благоразумно держался внутри учёного стада, избежал бы он многих злостраний. Есть стихи, в коих, кроме юморка, бездна правды:

А современник
Галилея,
 Был Галилея не
глупее
 И знал, что вертится
Земля,
 Но!.. у него была
семья.

И Галилей один, ОДИН!! — пошел в узкие
врата. А кто нужнее Богу для эволюции, сиречь
возрастания, человечества? Отважный, мудрый,
бескорыстный Галилей или многомиллионное,
изолгавшееся, корыстолюбивое и трусливое стадо
человеческое, во главе со злобной, невежественной
церковью, уничтожавшей шедевры искусства,
борющейся с наукой и просвещением, терзающей и
убивающей самых красивых и умных людей,
наживавшейся на индульгенциях и всяких
жульнических комбинациях по прощению грехов,?
А?? Вот то-то... Сказано:

«Бог хочет, чтобы все люди спаслись и
достигли познания истины» (1Тим.2:4) А люди,
исповедуя «здравый смысл», прут миллиардными
стадами в широко распахнутые врата погибели,
«Ибо много званых, а мало избранных»
(Мф.20:16)!

И только единицы, а их зовут еретиками, упорно ищут узкие врата, ведущие к Богу... и, заметь! — всё-таки, находят их! Ибо самый первый еретик, отлучённый от церкви, был Иисус Христос, сказавший: «Ищите и найдёте, ибо ищущий находит» (Мф.7:7)!

Праведны не те недоумки, кои, по наущению церкви, постятся, изнуряя плоть. Ибо: «Это имеет только вид мудрости в смиренномудрии и изнурении плоти, в некотором небрежении о насыщении плоти» (Кол.2:23).

Потому что: «Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (1Кор.8:8).

Праведны не те, кто подолгу молится, да ещё и публично, на виду у всех, ибо «когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Ты же когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф.6:5,6,7,8).

Интим нужен в общении с Отцом нашим! А не групповуха, вроде собачьей свадьбы!

Так кто же праведен? А праведны те, кто плюнув на завравшуюся церковь, а, заодно, на пресловутый здравый смысл толпы, (что скажет Марьиванна!?), идёт к Богу через знания и Слово Божие, ибо сказано: «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия» (Рим.12:2)!

Не нужны Богу позавчерашние истины. Для прогресса нужны новые истины, которые сегодня кажутся безумны, «Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1Кор.3:19)!

Или, как сказал мудрец: «Коль не безумна истина, она не истиНна». А потому надо прислушаться к предостережению Иисуса Христа: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их». (Мф.7:15,16).

Овечьи одежды — это рясы поповские, а плоды церкви — это застой средневековья, поныне длящийся с благословения ортодоксальной церкви. Ортодоксальный, сие означает, неизменный! А покой и неизменность препятствуют и противоречат главному Божественному закону мироздания — эволюции и обновлению! Ибо не застойное вонючее болото с квакающими гадами, создаёт Господь, а прекрасный мир и совершенных людей, стремящиеся стать достойными Бога! Ибо «мы — дети Божии. А если дети, то и наследники

Божии, сонаследники же Христу»(Рим.8:17), «мы теперь дети Божии; но ещё не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин.3:2), «И как мы носим образ перстного, будем носить и образ небесного» (1Кор.15:40) Отца нашего, ибо сказано человекуам: «ВЫ — БОГИ!» (Пс.81:6). _ Нужны Отцу нашему те, кто придёт к Нему через преодоление страданий, через постижение наук, нужны Ему мудрые и нравственно совершенные отважные дети Его, которых не испугают ни церковная анафема, ни костры инквизиции! Даже Голгофа!! И настанет день, когда миллионы христиан возопят: «Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали (проповедовали)? И не Твоим ли именем бесов изгоняли (из еретиков)? И не Твоим ли именем многие чудеса творили (ложные) (Мф.7:22)...

И услышат сии лицемерные святоши суровый ответ: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдёт в Царство Небесное. Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф.7:21,23).

Так грозно заканчивается Нагорная проповедь Христа, обращённая в будущее, сиречь — к нам.

ГЛАВА 2

Толпа, это тонны «пустой породы», которая удаляется через «широкие врата». Еретики, — это алмазы человечества, такие, как Бруно, Гус, Лютер, Галилей, Толстой, Пушкин, Вольтер... Тысячи героев учёных и писателей не прятались в толпе, а шли наперекор лживому и подлому поповству тернистым путём, который ведёт к Богу. «ибо мы соработники у Бога» (1Кор.3:9) Каждому из них адресованы гордые слова: «Восстал он против мнений света». Каждому человеку даётся от рождения шанс: либо, преодолев давление среды, затвердеть, став алмазом, либо, убоявшись давления, размазаться в пустую породу, уступив мнению толпы. Вот почему так отвратительна программа социализма по созданию однородной «массы народной». Ибо, ежели ты человек, то должен стать богом, ибо «мы — дети Божии, а если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу» (Рим.8:16,17).

Великие Еретики понимали ответственность за «свой крест», вручённый им от Бога. Понимали, что им сказано эти слова: «Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс.81:6) И понимание того, что ты — бог и должен отважно идти против толпы к Отцу своему, хотя это не выгодно, трудно, а то и смертельно опасно (затопчут скоты!), — вот, сие есть ПРАВЕДНОСТЬ!

Праведен тот, кто с достоинством «несёт свой

крест»... как сказал Иисус Христос, который всю Свою земную жизнь преодолевал сопротивление толпы и церкви, за что был отлучён от церкви и удостоен звания Еретика и казнён по настойчивому требованию священников, которые Учение Христа называли «Назорейской ересью». И проповеди первых Апостолов, учеников Христа, тоже называются ересью. И Апостол Павел с гордостью говорил: «по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу!» (Деян.24:14).

А если церковь не считает тебя еретиком, а хвалит за послушание, то надо бы задуматься: а кому же ты служишь? Попам? Но только не бунтарю — Великому Еретiku Иисусу Христу, сказавшему нам: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда ОТЛУЧАТ вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого» (Лк.6:22).

* * *

А разве не удивительно то, что за тысячелетия христианства ни один служитель церкви не создал ни художественной книги, ни картины или скульптуры, ни архитектурного проекта, ни музыкального произведения! Хотя бы стишок написал какой-нибудь попишка! Полной

бездарностью отметил Господь поповское сословие: «не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества» (От.18:22).

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. ПО ПЛОДАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ.

Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?

Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф.7:15–17).

Дал Господь все таланты весёлым еретикам, а у попов один талант: выманивать деньги у богатых плебеев, — плату за местечко в Царстве Божиим. Этими бесчестными деньгами церковь оплачивает строительство и убранство своих языческих капищ. Языческих, ибо Бога в церкви нет!

«Всевышний не в рукотворенных храмах живёт» (Дея.7:48).

Но вернёмся к Богу. Так что имеет человек, верующий в Бога, кроме обязанностей и наказаний?

Во-первых. Мир таков, каким его «мы видим, как бы, сквозь тусклое стекло» (1Кор.13:12).

Это стекло душа наша. Негодяй коротаёт свой век в злобном мире негодяев, ибо в каждом видит негодяя. А вера даёт внутреннее зрение — прекраснодушие. И жизнь верующего протекает в светлом мире добра, коего верующий человек

достойн, ибо верит в него.

Во вторых. Все мы, увы, смертны, но сию неизбежность верующий и атеист воспринимают по разному. Смерть для верующего — начало другой жизни и переход в мир не разлучающий, а соединяющий его с близкими и родными людьми. Но для атеиста смерть — конец всего! Крах мироздания! Провал в кошмар небытия! Тщета всех его дел! Смерть атеиста перечёркивает его дела и смысл его жизни! Не многого стоит жизнь атеиста, обречённо томящегося в этом мире, как в камере смертников, с животным страхом взирающего, как уходят в кошмар небытия его сокамерники и с ужасом ждущего свой черёд. Ужасна своей бессмысленностью жизнь того, коему смерть не выход в лучший мир, а вход во мрак могильный, где трупные черви. Ужасна жизнь атеиста, ибо она греховище и зрятина, но ещё ужаснее смерть его! Ибо важнее не то, как жить, а для чего жить?

В третьих... Вот мы и добрались до главного — до СМЫСЛА ЖИЗНИ. О сем много думал Лев Николаевич. Мысли его мудры, чеканны, а потому понятны, в отличие от философствующих словоблудов, накрутивших вокруг смысла жизни бессмыслицу, облачённую в пустословие трансцендентного экзистенциализма. За сей претенциозной заумью российской философии прячется заурядное и пошленькое скудоумие, коим

обильно гадили на сей благодатной ниве русские философы, в том числе столь популярный суеслов Достоевский... Ну, да Господь им судья! Проще и понятней Толстого не скажешь и я буду говорить о смысле жизни токмо цитатами из его произведений: «Спасение не в ревностном исповедании какой-либо веры, а в понимании смысла жизни», «Смысл жизни — найти самого себя», «Мир движется к совершенству, пониманию Бога и смысл жизни каждого — стать участником этого движения». «Смысл жизни — бесконечное совершенствование себя и мира», «Нет жизни без понимания смысла своей жизни», «Вера — понимание смысла жизни», «Только вера даёт жизни смысл, который не уничтожается смертью». «Смысл жизни в улучшении своей души и ежедневном получении награды за это — радости», «Радость в преодолении трудностей», «Человек живёт для радости и в этом смысл жизни»...

И из сих немногих цитат следует, что смысл жизни неотделим от радости и веры, ибо возрастание человечества направлено к совершенству, сиречь, к Богу. И тот, кто движется в сем направлении, несмотря на лишения и трудности, испытывает чувство радости, как поощрение от Всевышнего, а каждодневная радость и есть счастье. сиречь, вера дарует человеку счастье! А сие разве не главное в жизни? Счастье —

это не самоцель, не смысл жизни, а индикатор правильного курса к Богу! И цель жизни, это счастье от движения к Богу!

И, наконец-то, в четвёртых. Это то, что и в самые чёрные дни нашей жизни, вера не даёт человеку согнуться, пасть духом! Вера спасает даже физически слабого человека там, где без веры погибает сильный. После кораблекрушений в шлюпках в первую очередь погибали атеисты. Они умирали от отчаяния! Кое-кто усматривает в сем перст Божий, но сие превратно, ибо глупо думать о Боге столь низменно. Не Бог наказал их, оне сами карали себя: убивая себя страхом, без веры в чудо...

— Отец Михаил, а вы верили в чудо, когда в такую погоду сели на подножку!? — ехидно подъелдыкиваю я, тут же поняв, что сказал бестактность.

— Да, Александр, я верую, — очень серьёзно отвечает отец Михаил на мой вопрос, не замечая в нём насмешки. — Верую не токмо в Бога, но, главное, — Богу! И не раз убеждаюсь, что и Бог верит мне. Иногда спрашиваю людей, истово демонстрирующих свою веру: «ты говоришь, что в Бога веришь, а тебе Бог верит?» Ибо Бог верит не всем, кто в Него верует, и посему сказано: «И БЕСЫ ВЕРУЮТ И ТРЕПЕЩУТ!» (Иак.2:19).

Не верит Бог церковникам! Церковь учит